

Арина Ларина

Сулыбкой
о любви

Заклятая
подрута

Арина Ларина
Заклятая подруга
Серия «С улыбкой о любви»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2522685
Заклятая подруга: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-52122-7

Аннотация

Бывает ли женская дружба? Спросите что полегче, к примеру, есть ли жизнь на Марсе. Инопланетяне, как ни крути, более предсказуемы, чем женщины. Вот посудите сами. Бывает, что еще вчера дамы были не разлей вода: готовы были день и ночь осуждать мужей и свекровей, обсуждать коллег и, может быть, даже делиться друг с другом последним пирожным – все равно сладкое вредно.

А уже сегодня...

Собственно, что произошло сегодня, вы узнаете, прочитав эту книгу. Да, чуть не забыли. Женская дружба бывает. Наверное. Ведь и про жизнь на Марсе никто не знает наверняка...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	45
Глава 6	56
Глава 7	68
Глава 8	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Арина Ларина

Заклятая подруга

Пролог

Мутное ноябрьское небо серой губкой нависло над городом. Ветер сшибал в полете редких голубей и рвал подол белого платья, которое с грацией деревенского абажура хлопало по ногам невысокую, худенькую невесту.

– А вот и наши молодые! – пророкотал усатый тамада. – Три-четыре: по-здра-вля-ем!

Гости старательно, но нестройно подхватили его призыв, с воодушевлением начав швырять в жениха с невестой рисом и конфетами.

– Ай! – взвизгнула морально не подготовленная к церемонии невеста.

– Блин! – рявкнул жених, получив в глаз то ли грильяжем в шоколаде, то ли здоровенным леденцом.

– Горько! – завопил поддатый свидетель и жадно припал к фужеру с шампанским.

– Горько! – вздохнула разочарованная свидетельница.

Она так надеялась, что со стороны жениха будет кто-нибудь приличный. Когда подруга выходит замуж, собственное одиночество ощущается острее, словно прореха на юб-

ке, которую надо немедленно зашить. И вот нате вам – вместо подходящего кавалера нетрезвый плейбой с плебейскими замашками. Тьфу! Свидетельница покосилась на невесту, сплевывающую попавший в рот рис, и хихикнула.

– Лизка, не ржи! – шмыгнула носом новобрачная. – Сосредоточься. Тебе еще букет ловить.

– А тебе, Ритуся, каравай надкусывать, – подмигнула свидетельница. – Глади, челюсть не потеряй в процессе.

– Ты не в курсе, что этот усатый вредитель еще приберег для торжественной части? – тревожно поинтересовалась невеста. – Я волнуюсь. У меня на его эксперименты уже сил не осталось.

– Да ну, – легкомысленно отмахнулась Лиза. – Чего теперь волноваться-то? Все уж. Жених не сбежал, и ладно.

– Дорогие Маргарита и Андрей! Жить богато вам вдвоем, жизнь одарит вас рублем! – возопил тамада и запустил в молодых горстью монет.

– Твою дивизию! – охнул жених, прикрывая невесту от града мелочи, радостно расшвыриваемой гостями.

– А я специально по пять рублей монеты копил, чтобы не копейки молодым бросать! – гордо надрывался дядя со стороны жениха, выпятив грудь и молодежато тряс остатками челки.

Так начиналась семейная жизнь Риты Соловьевой.

Глава 1

– Рита, что ты топаешь как слон? – Андрей натянул одеяло на голову, уютно свернувшись калачиком. – Дай поспать!

– Ты и так целыми днями спишь, – раздраженно пробубнила она, роясь в шкафу. – Взял бы и проводил меня до работы хоть раз. Для разнообразия.

– В шесть утра? – Муж так изумился, что даже вылез из своего кокона и уставился на нее круглыми, опухшими со сна глазами.

– Да! – с вызовом бросила она. – Именно в шесть! Потому что сейчас я уйду зарабатывать на нас всех деньги, а ты будешь валяться весь день на диване! Я вообще не понимаю, почему ты постоянно болтаешься дома? Давно бы уже нашел какую-нибудь работу!

– Какую?

– За которую деньги платят! Хоть грузчиком!

– У тебя испортился характер, – со снисходительным сочувствием качнул лохматой башкой Андрей.

– Мне кажется, что у меня жизнь испортилась! – бросила Рита и, захлопнув шкаф, злобно стукнула по выключателю.

Когда она через минуту заглянула в комнату, чтобы взять сумочку, супруг уже сладко сопел.

Если бы не спавший в соседней комнате трехлетний сын, Рита, уходя, от всей души грохнула бы дверью.

На остановке было людно. Народ напряженно вытягивал шею и зябко ежился, вглядываясь в туманную даль. Даль была даже не туманной, а мутной, под стать Ритиному настроению. Грязные листья бурыми кляксами застыли в подмороженных лужах.

Трамвайные рельсы терялись в сырой дали, уходя за горизонт. Горизонт не радовал. Никакого намека на трамвай там даже близко не было.

– Спят, паразиты, – злобно пропыхтела стоявшая рядом тетка в сиреновом берете. – А мы тут мерзни.

– Это все из-за буржуев, скупили все на корню, – моментально включился в дискуссию желчный, тощий мужик в шапочке «петушок».

Такие шапочки были в моде лет тридцать назад, когда значительная часть страны воодушевленно бегала на лыжах, поскольку иных развлечений в выходные дни не предполагалось. На лыжника мужик походил мало. Скорее он относился к другой части народонаселения, которая вместо лыж сидела в тепле и пила свеженастоянный самогон.

– У нас вон сокращения опять! Старейших сотрудников на улицу под зад пинком!

– А при чем тут трамваи? – презрительно усмехнулся молодой парень в бандане.

Первый морозец живописно залил его лопухообразные уши нежно-бордовым цветом. Но юноша, судя по всему, ви-

дел себя в зеркало в тот момент, когда его лопухи еще имели менее выраженный окрас, а потому был чрезвычайно высокого мнения о своей персоне. Он высокомерно оглядывал толпившийся на остановке люд и раздраженно раздувал ноздри. По его физиономии было ясно, что окружающих он считал неудачниками.

Контингент на остановке не менялся день изо дня, и в ожидании трамвая Рита развлекала себя фантазиями на тему вынужденных попутчиков.

Тетка в берете была как ель – зимой и летом одним цветом. Свой кислотный берет в катышках и серое дутое пальто снимала лишь летом, сменив на что-то столь же непримечательно блеклое. Лишь недолгое время в начале осени она вдруг стала кокетливо сдвигать беретик набок и даже подкрасила губы помадой морковного цвета. Все это выдавало некие позитивные изменения в личной жизни пассажирки, которые, впрочем, скоро исчезли – берет с октября она снова начала натягивать на уши, а помаду стерла.

Мужик в «петушке», ругавший буржуев, вероятно, в молодости посадил печень и испортил желчный пузырь, так как ругался ежедневно и неумоимо, точно радио, у которого сломался выключатель. Он клеймил правительство, современную культуру, происки мирового капитализма, погоду и манеру водителя возить народ. Любая реплика из толпы вдохновляла его на долгие речи, давая толчок фонтану дядькиного красноречия.

В юнце, который пыжился изо всех сил, изображая особу королевских кровей, по недоразумению забредшую в коровник, Рита сразу угадала студента-вечерника. Он, разумеется, видел себя через несколько лет с дипломом в кармане, на хорошей должности, спешащим на работу в приличном авто.

Мама всегда говорила, что Рита отлично разбирается в людях, и мечтала, что дочь станет как минимум психоаналитиком с богатой клиентурой. Светлая голова и хорошие оценки позволяли рассчитывать на престижный вуз. Удивительно, но Рита смогла поступить лишь в педагогический, после чего получила не самую лучшую работу и нашла не самого лучшего мужа.

То, что муж не самый лучший, мама повторяла еще в период сватовства. Сначала она возражала робко и вяло, потом, когда дело стало двигаться к свадьбе, Татьяна Юрьевна заволновалась и попыталась воспрепятствовать мезальянсу.

– Маргарита, это же плебей! Просто красивый, пустой эгоист, он испоганит тебе жизнь! – заламывала руки мама, периодически изображая некое подобие сердечного приступа и наскакивая на жениха с неудобными вопросами.

– Позвольте полюбопытствовать, Андрюшенька, а где вы собираетесь жить с моей дочерью? И на что? – нежно пела он, цепко ухватив Ритино кавалера за пуговку. – Вы в курсе, что жену надо содержать? Я ее столько лет кормила, поила, воспитывала не для того, чтобы однажды в моем доме по-

явился еще один нахлебник и сел мне на шею. Муж должен быть добытчиком. Мужчина, настоящий мужчина, я имею в виду... Хотя вряд ли вы понимаете, о чем я. Настоящий мужчина должен построить дом, посадить дерево и родить сына. Интуиция подсказывает мне, что вы способны только на последнее, и то лишь потому, что рожать не вам! Муж моей дочери должен быть добытчиком. А не дополнительным иждивенцем на моей жилплощади. Возвращаемся к нашим баранам: где и как вы собираетесь жить с Маргариточкой?

– В шалаше! Я стану жить с ней в шалаше. А по утрам уходить с дубиной за мамонтом, – ехидствовал Андрей, который от шибко интеллигентной и склонной к заумствованиям тещи тоже был не в восторге. Зато он был в восторге от Риты. Этого с избытком хватало для того, чтобы дозреть до женитьбы и терпеть эту старую мегеру в качестве члена семьи.

Тогда Рита смотрела на жениха с обожанием, аккуратно намекая маме, что разберется как-нибудь сама.

Татьяна Юрьевна, с высоты жизненного опыта взвешивая на то, как родная кровинка уверенной поступью движется к волчьему логову, тоскливо взывала к дочкиному разуму и шантажировала ее разнообразными драматическими выступлениями на тему собственного здоровья.

Она была убеждена, что Маргарита достойна большего и лучшего, но не жизни с этим чернявым красавчиком. Нет, она, конечно, вынуждена была признать, что Андрей чрезвычай-

чайно хорош собой: широкоплечий, крепкий, высокий, кареглазый – просто картинка из модного журнала, а не мужик. Так ведь разве это плюс? Да любая нормальная мать сразу скажет, что нет, ни в коем случае! Красивый мужчина как эксклюзивное авто – ему нужен охраняемый гараж и сигнализация, иначе угонят. Кроме того, он старше Риты на десять лет. Мужчина за тридцать, мало чего добившийся в жизни, мягко говоря, вообще недостоин ее дочери. Да, они были красивой парой – хрупкая синеглазая блондинка и этот холеный хлыщ, – признавалась себе будущая теща. Но разве в красоте дело? Роза в хрустальной вазе тоже смотрится эффектно, а толку? Вот на грядке она будет цвести и пахнуть, а в вазе максимум через неделю завянет. Из чего следовало, что мужчина должен быть как грядка – неказист, но надежен.

Сама Татьяна Юрьевна считала, что вышла замуж неудачно, поскольку у супруга случился пресловутый кризис среднего возраста, в связи с чем он и улизнул из семейного гнезда к молодой любовнице. Кобелирующий папенька многократно приводился дочери в качестве примера проживания с ненадежным мужиком.

Дочка металась между двух огней, но отказываться от любви не собиралась.

Ведь она всегда хорошо разбиралась в людях! А Андрюша – хороший!

Тем тягостнее сейчас было копаться в своих ощущениях, понимая, что в чем-то мама была права. Нет, конечно, она

не разлюбила, но... Словно идешь по жизни, а в ботинке то ли песок, то ли камушек. И вроде можно идти дальше, но лучше остановиться и вытряхнуть. Проблема заключалась в том, что аллегории аллегориями, а что именно вытряхивать из своей жизни, Рита не совсем понимала.

Самое сложное с точки зрения человеческой психики – признать свою ошибку.

А Рита все больше склонялась к тому, что, вероятно, ошиблась.

Фатально.

– За проезд передаем! – рявкнул кондуктор, выбросив в атмосферу пары перегара, смешанные с луком и какой-то кислятиной. Он протискивался сквозь пассажиров, плотно спрессованных в этот ранний час в ограниченном пространстве трамвайного нутра.

«А кто-то спит до полудня, потом в салон, затем на тусовку, а мимоходом заглядывает в гостиницу и шпыняет унылых неудачниц типа меня. Потому что они клиенты, а я обслуга. Почему я обслуга? Почему я там унижаюсь который год, а мой паразит-муж дрыхнет дома?» – тоскливо размышляла Маргарита, выдергивая ногу из-под ботинка топтавшегося рядом пассажира.

Мужик источал запах застарелого табака и кряхтел, периодически заходясь в мучительном кашле. Кашляя, он на-

чинал переминаясь активнее, как пьяный боцман в шторм, и все чаще наступал Рите на ногу. Скорее всего, ее замшевый сапожок после подобного акта вандализма выглядел чудовищно. Даже смотреть страшно, потому что фантазия рисовала всякую дрянь без капли позитива. А что делать? Не в такси.

Андрею с работой не везло. Он так и говорил, горестно хлопая себя по бокам, будто деревенская бабка:

– Просто какой-то злой рок! Не везет!

После чего усаживался у телевизора, печально сведя красивые брови домиком и требуя сочувствия. Первое время Рита послушно сочувствовала, но необходимость постоянно подрабатывать, бросая дома новорожденного Лешку, и клянчить деньги у мамы, у блудного отца или у свекрови уверенности в завтрашнем дне не добавляла. В душе ворочалось глухое раздражение. Хотелось какой-то иной жизни. Не такой убогой.

Андрей кочевал с одного рабочего места на другое, нигде толком не задерживаясь.

– Да ты пойми! Надо найти нормальную контору с перспективами роста! Иначе мы обречены считать копейки! – горячился муж, когда Рита заводила разговор на эту тяжелую тему. – Мое призвание – бизнес! Я это чувствую. Надо только заработать начальный капитал и вложиться.

После этих слов Рита холодела, поскольку живо представ-

ляла, чем закончится для неопытного Андрея сомнительное мероприятие, называемое им «вложиться». Ситуация выглядела тупиковой. Даже советоваться с кем-нибудь не имело смысла. Любой человек сразу поинтересовался бы, о чем она думала, выходя замуж.

– Ты хоть представь, что останется, когда пройдет любовь! – взывала к ее здравому смыслу мама накануне свадьбы.

Тогда мамины реплики звучали смешно и нелепо: как может пройти любовь? Настоящая любовь не проходит!

И вот теперь получалось что-то непонятное. Может, любовь и не прошла, но рациональные мысли стали тревожить Риту все чаще. Они, словно голодные крокодилы, атаковали утлую лодочку семейного счастья, воодушевленно раскачивая ее и нороя прогрызть днище. Судя по своему внутреннему настрою, Маргарита подозревала, что течь уже имела место.

Глава 2

– Лера, я просто в трансе. – Рита смотрела на подругу, тоскливо постукивая маникюром по столешнице. – Ты представляешь, что мне сегодня приснилось?

– Что ты выперла своего захребетника из дома? – жизне-
радостно предположила Валерия.

– Да ну тебя! Я ж серьезно, – надулась Рита.

– То есть ты считаешь, что я шучу, – усмехнулась Лера. – Это может свидетельствовать лишь об одном – до дна ямы ты пока не долетела. Интересно, на что ты надеешься? Думаешь, что раскроется парашют? Дорогая моя, если ты не озаботилась приобретением парашюта заранее, смешно рассчитывать, что он вырастет сам. Как гриб.

Разумеется, учитывая склонность подруги к аллегориям, Рита могла бы предложить другой вариант – могли вырасти крылья. Но это было нелепо. Какие крылья? У курицы тоже есть крылья, а толку? Смешно спорить.

Мечты всегда проигрывали опыту.

– Мне приснилось, что я стала вдовой, – сердито буркнула Рита, ожидая от подруги ответной реакции.

Реакция последовала незамедлительно.

– Ну, и как оно, вдовство-то? – произнесла Лера. – Свобода, новые перспективы и квартиру не надо разменивать, да?

– При чем тут квартира? – ахнула Рита. Хотя и эта

неоформленная мысль смутно маячила где-то на заднем плане.

– Квартира при всем, – назидательно напомнила Лера. – Она у вас общая. Вещи, имущество...

– Ты так говоришь, будто я разводиться собралась, – испугалась Маргарита. Развитие темы ей не нравилось.

– Нет, разводиться нельзя. Это катаклизм вселенского масштаба. Поэтому вдова – это вариант.

– Тьфу на тебя!

– Тьфу на меня, – согласилась Лера. – Но ты первая начала.

– Так я к тому и начала, что, мол, ужас какой, чего снится-то! Самой страшно! Вот с чего это?

– Подсознание, – объяснила Лера и расхохоталась. – Не кисни. Пошли работать! Подумаешь, горе какое. Мне вот после корпоратива приснились марсиане. Контакты прилетели к нам налаживать, а я им номер не могу забронировать. Всю ночь мучилась, к утру устала и проснулась с больной головой. И что мне теперь, переживать по этому поводу? А марсиане – это серьезнее, чем какой-то там ленивый мужик. Это, милая моя, межгалактические контакты космического уровня! А ты говоришь, вдова...

Валерии Горецкой было уже за сорок. Дважды сбегав замуж и многократно проверив мужской пол «на вшивость», Лера успокоилась, придя к выводу, что идеальных мужчин в

природе не существует. А хватать абы кого – все равно что брать туфли не по размеру. Ну, будут они место в шкафу занимать, а удовольствия – ноль.

Мужчин как класс она приравнивала к хомякам: сплошные заботы, кормежка, неприятные запахи, да еще постоянно норовят улизнуть.

– И к чему мне эта обуза? – пожимала плечами дальновидная Лера, когда Рита с жаром пыталась убедить ее в обратном. – Нет, раз уж ты вышла замуж и родила – живи на здоровье. Я же не ору, что тебе надо немедленно развестись. Это я без детей, мне проще. А у тебя всякие бабские доводы вроде «гвоздь забить» и «ребенка поднять» имеют право на существование.

– Я его люблю, – обижалась Маргарита, с недоумением глядя на подругу, не понимающую элементарных вещей.

Лера лишь многозначительно и снисходительно фыркала:
– Девочка моя, это проходит, не волнуйся!

Познакомились они на работе.

Помыкавшись с дипломом педагога по всяческим собеседованиям, Рита попала в довольно крупную гостиницу. Наличие малолетнего Лешки оказалось существенным минусом при трудоустройстве. Молодые мамы, норовящие впасть в состояние затяжного больничного, по единодушному мнению работодателей, считались опасным контингентом. И только в гостинице ее статус никого не напугал.

– Будете брать больничный – уволим, – сверкнув белозу-

бой улыбкой, радушно пообещал розовощекий немец, проводивший собеседование. И чтобы Рита не усомнилась в смысле вышесказанного, энергично махнул рукой в сторону двери, видимо, демонстрируя, какое ускорение у них передается увольняемым в данном случае.

Рита азартно закивала, подтверждая, что, мол, согласна и полностью одобряет политику заведения.

Зарплату обещали приятную, мраморные холлы и респектабельная тишина подкупали, а начальница Валерия и вовсе оказалась душкой. Именно она помогла устроить на работу в гостиницу Лизу, подругу Ритиною детства.

Лера с Лизой были противоположностями. Если сорокадвухлетнюю Горецкую можно было назвать рациональным логиком, уверенно стоящим на ногах в материальном и моральном плане, то Лизу, которая была моложе Риты на пару лет, можно было сравнить со стрекозой – большеглазой, изящной, не приспособленной к жизни и наивной до безобразия.

И если Лера для Риты являлась главным советчиком и почти истиной в последней инстанции, то Лиза приятно тешила самолюбие, восхищаясь Ритиною проницательностью.

– Ритуська, ты просто гений! – ахала обычно Лиза, когда Маргарита анализировала поведение того или иного человека, будь то клиент или просто знакомый. – Ты видишь людей насквозь!

– Ага, – саркастически поддакивала Лера. – Как сапер. Он

может всю жизнь заниматься разминированием сложнейших схем, а в расцвете лет один раз ошибиться. И все – цветы, природа, тишина.

В общем, подкосить самооценку Лера умела. Рита подружку искренне жалела, считая, что такой характер у Валерии по причине отсутствия в ее жизни любви и настоящего мужчины. Плюс солидный возраст, не оставляющий шансов на хоть какое-то устройство личной жизни. Рита была уверена, что после сорока жизни нет. Вернее, жизни нет уже после тридцати. Ей самой было двадцать семь, и кособокость неприятной цифры немного пугала. Ведь только что было двадцать, и нате вам – муж, ребенок и двадцать семь с хвостиком!

Лизавета, как обычно, опоздала, поэтому полноценно в обсуждении Ритиных горестей поучаствовать не смогла. Лиза Бабаева вообще всегда и везде опаздывала. Она была не просто медлительной, а этакой павой с плавными движениями и редкостной заторможенностью реакций. Зато в этом был свой плюс – она не делала поспешных выводов, не совершала необдуманных поступков и была спокойной, как удав в спячке. С Ритой они подружились еще во времена учебы в школе, поскольку постоянно возвращались домой вместе. Когда изо дня в день ходишь по одному и тому же маршруту, сложно не начать просто здороваться, а потом и общаться. Даже разница в два года, которая в третьем классе казалась колоссальной, к восьмому классу как-то незаметно сглади-

лась, тем более что мадемуазель Бабаева созреть начала гораздо раньше Риты.

Лизавета была высоченной, грудастой и глазастой. В собственном классе ее дразнили дылдой, зато старшеклассники проявляли к барышне повышенный интерес. Их приглашали в одни компании, общались с обеими на равных, хотя Маргарита чувствовала себя старшей сестрой и постоянно Лизавету опекала. Тем более что та была хорошей домашней девочкой, за которой следом регулярно бегала бабушка. И даже посиделки с мальчишками во дворе не обходились без Анны Даниловны, заседавшей в непосредственной близости с биноклем на шее. Тусить в закрытых помещениях, куда у бабушки не было доступа, Лизавете запрещалось. Бабуля являлась рулевым внучкиной жизни, несла круглосуточную вахту и выглядела как капитан на капитанском мостике. Неизменный бинокль и синий спортивный костюм лишь добавляли ей сходства с бывалым морским волком. Ровно в девять часов вечера Анна Даниловна появлялась на горизонте и зычно звала внучку ужинать. Рита из солидарности уходила вместе с подругой. Наверное, благодаря Бабаевой-старшей и компания у них во дворе ничего лишнего себе не позволяла – никто не курил, не пил и девочек не обижал. А как обидишь-то, если в кустах постоянно трется суровая старуха с замашками солдафона. От такой и схлопотать недолго.

Лиза была девочкой мягкой, послушной и покладистой. Она всегда улыбалась и взмахивала ресницами, как краси-

ца-царевна из мультиков. Лизавета все делала медленно. Даже на автобус она бежала медленно. Иногда, в особо напряженных ситуациях, Рите очень хотелось дать ей волшебного пенделя, чтобы подруга хоть чуть-чуть ускорила. Она была уверена, что такую клушу, как Лизавета, замуж никто не возьмет. Ведь, как известно, путь к сердцу мужчины лежит через желудок, а Лиза даже омлет умудрялась сжечь – ибо, пока она дефилировала от плиты к столу, плавно поводя руками и размышляя или рассуждая на животрепещущие темы, все обугливалось и переставало быть съедобным. Мужчины Лизавету долго не выдерживали и уходили.

Лиза так и говорила, протяжно вздыхая и плавно взмахивая ладошкой:

– Опять ушел. – И пожимала плечами.

Рита подозревала, что они уходили медленно, несколько раз заранее угрожающе предупреждая: мол, уйду. Но, учитывая тормознутость Лизаветы, это было слишком быстро.

Тем удивительнее был ее скоропалительный брак со Славой. Хотя Слава и сам был удивительным. И это мягко говоря...

Вячеслав Хлюпов оказался художником. Он был полной Лизаветиной противоположностью – порывистый, эмоциональный, яркий. В общем, вопреки логике и здравому смыслу, они нашли друг друга и даже поженились. После чего Слава немедленно взял Лизину фамилию. Разумеется, можно было заподозрить его в корысти, мол, из-за фамилии же-

нился, но тогда можно было бы найти и нечто более выдающееся, нежели Лиза Бабаева. Репину какую-нибудь. Или Васнецову...

Но поскольку молодые жили душа в душу и Лиза продолжала улыбаться, как блаженная, Рита перестала подозревать ее супруга и успокоилась.

– Чего такие кислые? – Лизавета застенчиво улыбнулась, надеясь перевести разговор с темы своего опоздания на что-либо менее напряженное для психики.

Но с Валерией такие приемы не проходили.

– Что на сей раз? Опять «почему-то не успела»? – Начальница переключилась на вновь прибывшую, сурово сдвинув тонкие брови.

Лера выщипывала брови до состояния условной видимости. Подруги пытались пару раз намекнуть ей, что бровь толщиной с ниточку и в форме домика – не смотрится. Более того, столь тонкие брови делали и без того недоброе Лерино лицо стержозным и надменным. Но у мадам Горецкой по этому поводу имелось собственное мнение, не подлежащее обсуждению.

– Я сегодня вышла раньше, – расстроено хлопнула ресницами Лизавета. – Честное слово! Даже не накрутилась! Не позавтракала! Лишь умылась и выскочила.

– Черепаха выскочила из клетки и на огромной скорости скрылась вдали, – басом продекларировала Валерия и хлоп-

нула ладонью по столу. – Лизка, когда я тебя слушаю, мне начинает казаться, будто у выражения «считать ворон» есть живой эквивалент. Это ты, Бабаева! Я так и вижу тебя с раскрытым ртом в процессе подсчета всех ворон по дороге! Тебе до гостиницы десять минут пешком! Как можно опоздать на полчаса, выйдя из дома на час раньше? Ты опровергаешь все законы вероятностей, относительности и здравого смысла. Хочешь, я тебя премии лишу?

– Нет, – медленно покачала головой Лизвета.

– И я не хочу. Но ты меня доведешь!

– Девочки, не надо ссориться, – произнесла Рита. – Давайте решать, что мне делать.

– А что у тебя случилось? – Лизвета обрадовалась. Ее постоянные опоздания обсуждали ежедневно. Не опаздывать она просто не умела.

– У нее случился муж-иждивенец! – кратко резюмировала ситуацию Валерия.

– Он не иждивенец! – вспыхнула Рита.

– Он умница, красавец и мечта идиотки, – кивнула Лера. – Так чего тогда обсуждать?

– Его надо устроить на работу. Иначе я его... не знаю... прибью скоро.

– Даже алкоголиков насильно не лечат, – просветила подруг Горецкая. – А уж устраивать на работу мужика, который не хочет ни работать, ни зарабатывать – дикость. Бесперспективно.

– Он хочет зарабатывать, – заступилась за супруга Рита. – Только у него не получается.

– Ну, ясное дело, – радостно согласилась Лера. – Тяжело заработать, не работая! Почти непосильная задача!

– Не язви! – Рита беспомощно покосилась на Лизу.

Та округлила глаза и пошевелила бровями. Что сие должно означать, было неясно. Вероятно, до Лизаветы дошел смысл какой-то предыдущей фразы. На историю в целом она могла отреагировать только к вечеру.

– А ты, Марго, не тупи! – Горецкая покраснела и начала вещать, как Ленин на броневике, разрубая воздух вытянутой рукой и держась за лацкан форменного пиджака. – Ты хочешь, чтобы мы вместо тебя твоему благоверному мозгу вправляли? Извини! Кто насвинячил, тому и убирать!

– Не поняла? – насупилась Рита.

– А чего непонятного? Ты сама себе устроила проблему, завела мужика, а свалить решение проблемы хочешь на окружающих! Представляешь, припремся мы к тебе домой. Я декольте вывалю, Лизка ножищи свои модельные вытянет, и станем мы твоего мужика уму-разуму учить! А ты пока теллик посмотришь! Соловьева, приди в себя! Поставь своего мужика перед фактом: либо он идет работать, либо идет на фиг.

– На фиг – это куда? – усмехнулась Рита. – Разводиться? А ребенок? А вообще... Да ну тебя с такими советами!

– Да ну тебя с таким мужем! – воскликнула Валерия. –

Это умудриться надо было! Умная баба, а клюнула на фасад! Ты когда пальто покупаешь, подкладку смотришь? А мужика не глядя брать нельзя! Это мужик. Пальто сезон оттаскала и сменила. А от супружника так просто не отделаешься! Они, как муравьи, из дома выводятся крайне трудно!

– Да не собираюсь я его выводить! – вздохнула Рита. – Я просто хочу, чтобы он начал работать. Где-нибудь! И тогда все будет нормально. А то он сидит там дома один и переживает.

– Хорошо, если переживает, – хихикнула Лера. – У меня складывается впечатление, что переживаешь только ты. А он живет в полном комфорте и согласии с собой, любимым.

– Слава может взять его натурщиком, – предложила Лизавета.

Горецкая засмеялась, едва не свалившись со стула.

– А чего? – напряглась Лиза. – Много он платить не сможет, но хоть какая-то работа.

– Если мне не изменяет память, ваш дивный союз подпитывается исключительно из твоего кошелька, Лизонька! – елеиным голосом проворковала Лера. – Вы, девки, вообще обалдели! Это женщина должна висеть хомутом на шее мужика и пить из него кровь, а не наоборот. Что вы впряглись, как клячи, и тратите свою молодость на каких-то пустышек!

– Других не завозили, – мрачно напомнила Маргарита. – Ты сама повторяешь.

– Ну, не завозили. Пользуйтесь тем, что упало. Но пользо-

ваться надо самим! А пока я вижу, барышни, что вами пользуются на полную катушку.

– Давайте работать? – предложила Рита. – Все равно никакого консенсуса.

Домой она вернулась еле живая и без конструктивных мыслей. Андрей играл с Лешкой. На столе ее ждал ужин. И казалось, что все не так уж плохо. В конце концов, в век эмансипации женщина с мужчиной вполне могут поменяться местами. Проблема заключалась в одном: Ритиных заработков катастрофически не хватало. Она подумала, что это неплохое начало для беседы.

Обычно Рита принимала решения спонтанно, интуитивно.

– Андрюша, у нас проблемы, – осторожно произнесла она.

– Какие? – Он с готовностью уселся рядом, преданно заглядывая ей в лицо.

– Нам не хватает денег.

– Ну, не в деньгах счастье, ласточка, – снисходительно улыбнулся супруг.

– А в чем? – напряглась Рита.

– Мы любим друг друга. А деньги – дело наживное!

– Андрюша, давай их как-то наживать, потому что я не могу больше содержать нас на свою зарплату! Мне пальто нужно на зиму. Лешка из всего вырос. Телевизор старый.

– А какие у тебя перспективы на работе? – с готовностью поддержал дискуссию муж.

– Никаких! – отрезала Рита, вспомнив, как красиво ей расписывали перспективы при поступлении. Через полгода старшая смены, через год замначальника, еще через год – начальник...

– Ну, ты наивная! – расхохоталась Валерия, когда первые полгода миновали и Рита начала интересоваться повышением. – Тогда у нас весь отдел давно бы уже состоял из начальников. А я давно бы стала генеральным. Надо головой думать, когда тебе так сладко поют, и логику включать! Ладно – тебя делают начальником. А старого куда? В утиль? Расстреливают? Съедают? Не расстраивайся. Зарплату платят, и радуйся. А к клиентам – приглядывайся. У нас все девочки, кто головой варит, уходят в фирмы, которые своим спецам номера здесь снимают. Сама видишь: клиентура не бедная, компании богатые, вот и шустри.

Шустрить у Риты не получалось.

Поэтому сейчас она с чистой совестью констатировала, что перспектив у нее никаких.

– Плохо, – опечалился Андрей, словно раньше надеялся на какие-то подвижки в Маргаритиной карьере. – Надо искать другую работу. Вот нашла бы какое-нибудь такое место, чтобы зарплата – о-го-го! Заработала бы на начальный капитал, и открыли бы мы свое дело.

– Какое дело? – медленно закипала Рита. Эти «маниловские» прожекты мужа ей надоели.

– Да любое! – легкомысленно отмахнулся от конкретики

Андрей. – Пока ты зарабатываешь, у нас еще будет время придумать. Магазин, кафе, услуги...

– И как мне найти такую работу? – Рита прикусила губу и нехорошо прищурилась.

– На собеседования походи!

– Да?

– Да! Там запросто можно найти что-нибудь стоящее! – назидательно пояснил муж, не желавший ссориться. Он благодушно улыбнулся и даже погладил раскипятившуюся супругу по голове.

– Может, если все так просто, сам походишь? – Рита сбросила его руку. – Или ты на моем горбу в рай вознамерился въехать?

– Ритусь, ты чего набрасываешься? Если у тебя неприятности на работе, поделись! Вдруг полегчает?

– У меня дома неприятности! У меня муж работать не хочет!

– Я хочу!

– Незаметно!

– Рита, ну нет подходящих предложений!

– Где нет?? Где? Ты же никуда не ходишь?

– Я хожу, – сообщил Андрей.

– Но ты не говорил ничего...

– Рита, когда найду работу, тогда скажу! А чего просто языком трепать?

Кровь бросилась ей в лицо.

– Андрюша!

– Дурочка ты моя! Ты думала, что я поленом дома валяюсь, пока Лешка в садике?

– Да, – виновато моргнула Рита.

– Теперь не думаешь?

– Не-а...

– А чем он это доказал? – поинтересовалась Лера на следующее утро, когда сияющая Маргарита вывалила на подруг эту сногшибательную новость.

– Зачем доказывать? – опешила Рита. – Я ему и так верю.

– А-а-а, – протянула Горецкая. – Тогда конечно. Мужчине надо верить. А то попросишь доказательств и сильно разочаруешься.

– Не все мужики подлецы, – заметила Лизавета.

– Ага, – кивнула Лера. – Лишь некоторые. Главное – не напороться на своем недолгом жизненном пути на этих «некоторых».

– Вот умеешь ты, Валерия, дегтя капнуть!

– Так живу долго, милочка! Знаю много. Били часто.

– Видимо, редко, – усмехнулась Рита. – В общем, я Андрюше верю.

– А что еще тебе остается? – вдохнула Лера.

Тогда Рите казалось, что впереди ее ждет долгая и счастливая жизнь, в которой все как-нибудь образуется.

Глава 3

В служебных помещениях отеля день сливался с ночью, а лето с зимой. Там не было окон, и сотрудники, едва перешагнув порог любимой гостиницы, терялись во времени и пространстве, отключившись от всего того, что бурлило, бушевало или замерзло за кирпичными стенами.

Накопившаяся за рабочий день усталость тяжелым неудобным рюкзаком давила на плечи. Народ в женской раздевалке медленно рассасывался. Румяная девица из столовой бойко торговала привозными французскими чулками. Порывшись в сумке, Рита выбрала светлые. Андрею больше нравились черные, но ей они совершенно не шли. Странно, мужчины часто не понимали элементарных вещей.

– Эти! – Она помахала коробочкой и пошла примерять.

– Хороший выбор! – похвалила ее девица и подмигнула. – Я сама такие же ношу! – И она радостно предъявила громадную белую ляжку, в которую хищно врезались замысловатые кружева. – Не падают!

Новые чулки доверия не внушали. Сомнительная силиконовая полосочка, призванная удерживать ажурный капрон на бедре, могла запросто подвести.

– Да не переживай, – отмахнулась от Ритиных переживаний Горецкая. – Не трусы же упадут, если что!

– Трусы тоже могут упасть, – произнесла Лизавета. Она

сидела на скамейке и даже не начинала переодеваться. Как обычно – собиралась с мыслями и медитировала.

– Лизка, рабочий день давно закончился! – толкнула ее в плечо Валерия. – Хватит тут тормозить. По домам пора.

Дебелая девица, только что продавшая Рите чулки, приветливо улыбнувшись, продефилировала мимо подруг в душ. Абсолютно голая, белокожая, с громадной грудью, нависавшей над рыхловатым животом.

– Вот это фигура! – завистливо вздохнула Лизавета. – Просто Даная!

– Да уж! – обалдело протянула Рита. Богатство форм и незакомплексованность юной нимфы потрясали.

Горецкая фыркнула, неодобрительно пробормотав что-то про фитнес.

– А Слава говорит, что женщина должна быть крупной, – вдруг грустно сообщила Лизавета. – Как у Рембрандта.

– Толстой? – уточнила Лера. – Чтобы пузо, целлюлит и грудь ниже пупа? Тогда это я!

– Нет, просто большой! Почему толстой? – обиделась за своего художника Лиза. – Даная не толстая.

– Да ты что? – хихикнула Горецкая. – Ты мне льстишь. Так я не поняла, в чем проблема? В твоем голосе, Бабаева, такая тоска, что я переживаю. За искусство в том числе.

– Я не дотягиваю до стандартов, – пояснила Лиза.

– Нет, ты от ответа не увиливай. И будь добра, перейди с птичьего языка на человеческий. До каких стандартов не дотя-

гивает твоя модельная фигура, которой завидуют все тетки в нашей конторе?

– До живописных. Надо чуть массивнее быть.

– Нет, вы послушайте эту дурищу! – ахнула Горецкая. – Бабы на одной капусте сидят, по ночам холодильник на замок закрывают, в спортзалах прыгают до полного одурения и взбалтывания мозга, лишь бы не быть массивнее! А эта пигалица переживает! Да твой Слава больной на всю голову! Даже не вздумай его слушать!

– Я не могу не слушать, – возразила Лиза. – У нас назревают проблемы. Я чувствую. Он мной недоволен.

– Ишь ты, петух гамбургский! – воскликнула Рита. – Недоволен он! Ван Гог, тоже мне! Лучше бы поинтересовался, довольна ли ты! Я до сих пор с содроганием вспоминаю вашу свадьбу. Я, конечно, понимаю, что с таким не соскучишься, но лучше иногда поскучать, чем всю жизнь веселиться.

– А я чего? – заволновалась Лизавета. – Я довольна.

– Чем?

– Всем!

– Лизка, если ты довольна всем, то чего мечешься и посторонних голых баб разглядываешь? – удивилась Рита. – Ты же только что сказала, что твоему маляру что-то не нравится.

– Он не маляр! – оскорбилась Лизавета.

– То есть вторую часть ты не отрицаешь? Будь добра, поясни, как именно твой благоверный сформулировал свое недо-

вольство? Губки кривил, носик морщил или прямым текстом заявил, чтобы ты срочно наела себе целлюлитное пузо? Чтобы, так сказать, не выпасть из стандартов?

– Ну, – замаялась Лиза, – он сказал, что, была бы я помястее, цены бы мне не было.

– Дивно, – усмехнулась Маргарита. – А так, значит, цена у тебя есть, и, судя по формулировке, не особо высокая? Ты чего, Лиз, сдурела? Он же пошутил наверняка!

– Нет, он не шутил. Он, знаете, с какой-то даже досадой это сказал. Таким тоном, что сразу стало ясно: ему жаль, что я такая уродилась. А то бы он с меня картины рисовал.

– Да уж! – Горецкая достала из шкафчика пальто и с раздражением его встряхнула. – Не иначе, в Эрмитаж твой красавец метит. Я только вот переживаю теперь, а ты чего делать собираешься? Как реагировать? Перейдешь на калорийную диету, сядешь макароны жрать ведрами?

– Да что я, дура, что ли? – испугалась Лиза.

– И на том спасибо. Хоть не полной дурой оказалась, – произнесла Рита.

– Грудь мне подходящую все равно не отрастить, поэтому нет смысла толстеть непропорционально!

– Дура, – подытожила Горецкая, с состраданием взглянув на подругу. – А сиськи твои ему чем не угодили? Должны висеть?

– Не то чтобы висеть, – осторожно промолвила Лиза, – но они должны выглядеть натурально.

– А у тебя ненатуральные?

– Красота в обыденности, в изъяснах, понимаете? – воскликнула Бабаева.

Подруги молча потрясли головами. Ее логика укладывалась в их сознании плохо. Можно даже сказать, выпадала из него, как пузатая косметичка из крохотной, не по размеру сумочки.

– Ой, ну какие вы! – начала раздражаться Лиза. – Идеальные формы настоящему художнику неинтересны! Это пустышка. Шаблон. Изюминка в нестандартности. Ясно?

– Куда уж яснее. – Горецкая покрутила пальцем у виска и многозначительно поджала губы. – Чтобы стать музой твоего Модильяни, который забил тебе башку этой ерундой, нужно иметь кривые толстые лапки, перебитый нос или бельмо на глазу. А то рискуешь прослыть шаблоном! Слушай, Лизавета, пока не залетела от своего дефективного, найди чего попроще. Обычного олигарха, которому нравятся длинные ноги и нормальная грудь, как у тебя. Тебе это вполне по силам.

– А мне кажется, что у Славы комплексы, – неожиданно изрекла Рита. – Имея такую жену, как Лиза, нужно жить и радоваться, что рядом болтается подобная красотка. А эта пурга, которую он метет, больше похожа на попытку сформировать у Лизаветы комплекс неполноценности. Это психологический ход с непонятной целью. Для нас непонятной. Сейчас ему нужна задастая муза, через месяц потребуется анорексичная вешалка, а потом он и вовсе решит устроить пер-

форманс с костылями и калекками. И чего, Лизавета должна будет всякий раз соответствовать? Вряд ли у нее это получится. В общем, я считаю, что он проедает тебе мозг и формирует чувство неясной вины и отчетливой благодарности, дескать, спасибо тебе, Славочка, что терпишь меня, такую... э-э-э... шаблонную картонку!

Лиза молча хлопала глазами, неуверенно улыбаясь.

– Это ты, мать, слишком длинную речь загнула. – Горецкая качнула Лизавету и дунула ей в физиономию: – Вон, Даяна наша в ступор впала. До утра теперь будет переваривать.

– Все я поняла, чего ты? – Лиза сладко потянулась, встала и прошлась по раздевалке, красиво перебирая длинными ногами. – Толстеть не стану. Но надо с собой что-нибудь такое сделать, чтобы удивить его. Наверное, я ему приелась. Ведь в жизни как бывает: сначала любовь и безоговорочное приятие любых слов и действий партнера. Затем начинаешь замечать мелочи. Вскоре они чуть-чуть раздражают, потому что пропадает новизна, эмоции не находят выхода. Ты видишь изо дня в день одно и то же, и так как не отвлекаешься на что-то необычное, непривычное, то в этом «одном и том же» видишь трещинки и потертости.

– И где у твоего красавца потертости с трещинками? – Валерия кусала губы, чтобы не расхохотаться.

– Не у него, а у меня. Мужчинам обыденность приедается быстрее, – снисходительно пояснила Лизавета.

– Ой, и не говори! – замахала руками Горецкая. – Как два-

жды холостая подтверждаю: они любят все новое. Причем сразу. Как только от одного пирожного откусят, так сразу на следующее начинают заглядываться. А ты так и живешь надкушенная и недоеденная. И вроде пудрой присыплешься, и розочку марципановую воткнешь, и даже ягоду куда-нибудь привесишь, а каждый следующий опять надгрызет, как хомяк, и дальше чешет. Вот так к концу жизни остается один огрызок, полный умных мыслей и запоздалых выводов!

– Я, наверное, стрижку сделаю эпатажную, – произнесла Лизавета.

– Только в попытках эпатировать своего гения не перестарайся, а то с работы вылетишь, – покачала головой Рита. – Зеленые волосы или блестящая лысина могут сильно впечатлить шефа.

– Да, – вздохнула Лиза. – Тогда я татуировку сделаю.

– Лишь бы не на лбу, – усмехнулась Горецкая.

– И пирсинг, – добавила Лизавета.

– Ой, мне же Лешке в садик надо колокольчики купить! – хлопнула себя по лбу Рита. – И три шарика сдать. У них там утренник какой-то будет.

– Точно, колокольчик! Чтобы звенел тоненько-тоненько. В пупок! – обрадовалась новой идее Лиза.

– «Кашенко»... – Горецкая поиграла бровями. – Какое счастье, что я свободная, незамужняя девушка, пусть и не первой свежести! Без шариков, колокольчиков и лишних людей на моей жилплощади. До завтра, бедные вы мои!

Глава 4

Колкий снег царапал кожу и ледяными каплями застывал на щеках. Лиза изредка касалась пальчиками скул, словно пытаясь удостовериться – не слезы ли это.

«Я не плачу. Все нормально», – мысленно повторяла она.

Мантра не помогала. Потому что ничего нормального в ее жизни на данном отрезке не было. Даже, казалось, и отрезка никакого не существовало. Так – смутный пунктир, с которого того гляди соскользнешь в черную пустоту.

Лизе Бабаевой жизнь всегда казалась сложной. Она напирала, давила и теснила, отвоевывая у Лизы личное пространство. Люди, с которыми надо общаться. Обязанности, которые непременно надо выполнять. Поэтому Лизавета еще в юности решила, что самое простое – наплевать на все, что напрягает, и жить так, как живется. Неважно, что про тебя думают люди. Главное – как тебе живется самой. Ее маленький мирок стал коконом, и он ограждал от всяческой сложной ерунды, царившей вокруг. Этот кокон куда-то таскали, теребили и встряхивали, а она сидела внутри, защищенная, недоступная для любого дискомфорта, и всем улыбалась. Самое важное – никого не впускать внутрь. Даже первая любовь прошла вскользь, по касательной, едва задев оболочку привычного кокона. Наверное, это была даже не любовь, а легкая симпатия и любопытство, настоянные на гормонах.

Однокурсник красиво ухаживал и галантно суетился вокруг, а в постели оказался смешным и нелепым. Лиза с недоумением потерпела пару недель его ритуальные пляски на продавленном диване в родительской квартире, после чего вежливо попрощалась, вычеркнув из памяти сей нелепый эпизод. Словно ничего такого и не было. А что, собственно, случилось? Кокон-то цел! Значит, можно жить дальше.

И она как-то жила. Спокойно, размеренно и легко. А вскоре на одной вечеринке рядом с ней уселся слегка поддатый парень, и Лиза пропала. Вот просто в одно мгновение – раз, и пропала. То ли кокон треснул, то ли она впустила незнакомца внутрь, но жизнь внезапно стала чувствоваться острее. Ароматы, события, время – все вдруг стало сочнее и ярче. Будто Лизавета сидела за окном, занавешенным застиранной марлей, а потом вдруг пришел Слава и марлю сдернул, одним движением открыв Лизе все краски мира. Длинноволосый, с неправильными чертами лица, неуклюжий, точно гадкий утенок, в невысказанно яркой одежде – он был пришельцем с другой планеты. Его картины казались верхом совершенства, воплощением ее фантазий, голос завораживал, мысли были Лизиными мыслями, она угадывала его, чувствовала и понимала, как саму себя. Без Славы она не смогла бы жить и дышать. Он был первым, кого она боялась потерять. Лизавета вылезла из кокона и вцепилась в своего художника, как утопающая. Без него она бы утонула. Но пока еще Слава был рядом.

Слово «пока» пугало Лизу до обморока. Оно звучало как отсрочка приговора.

Любовь требовала жертв. Лиза разругалась с мамой. Родительница плевалась и топала ногами, увидев будущего зятя с дредами и в полосатых гетрах.

– Лиза, что это? – Маменька тыкала пальцем в приведенного домой кавалера, словно в экзотическое насекомое, невесть как заползшее в приличный дом. – Почему он без штанов?

Без штанов Слава был потому, что готовился воплотить на холсте шотландские мотивы, щеголял в клетчатой юбочке и «ловил волну». Волна не ловилась, даже игра на волынке музу не приманивала. Но рассказывать маме про ожидаемые космические вибрации и связанный с этим ожиданием прикид было нелепо. Разве в состоянии понять все это среднестатистическая тетка с неполным высшим образованием, сидящая в ЖЭКе и общающаяся исключительно с электриками и сантехниками?

На свадьбу маму не позвали. Хотя и со стороны жениха родственников не было. Только друзья.

Рита, явившаяся на бракосочетание в качестве свидетельницы, тихо охнула, увидев гостей, и пугливо прошептала:

– Это что, аниматоры из цирка? А чего так много?

– Это наши друзья, – нахмурилась Лиза.

Ей не нравилось, как окружающие пялились на их гостей.

Да, пара бритых амбалов в оранжевых простынях, девушка-гот, несколько бесполок существ в павлиньих тряпочках и выводок хиппи в возрасте от шестнадцати до шестидесяти смотрелись в стенах ЗАГСа противоестественно, как маринованные грибы или селедка на торте. Ну и что? Зато будет что вспомнить!

Кстати, единственной данью традициям стал поход в ЗАГС. Правда, пришлось обойтись без мещанского белого платья и лимузина, зато потом они поехали на выставку скульптур какого-то француза, а оттуда на нудистский пляж. Собственно, по этой же причине свадебные фотографии Лизавета никому не показывала. Рита откололась от мероприятия еще на стадии выставки, побродив с вытарашенными глазами среди гнутых железяк и странных конструкций, собранных из старых консервных банок и пластиковых бутылок.

Но на этом испытания не закончились. Пришлось научиться готовить. Хотя Лизавета была счастлива от одной только возможности находиться рядом с таким великим человеком, как Слава. У него и имя было говорящее, пророческое! Трудности ее не тяготили, создавая дополнительный драйв.

Слово «драйв» Слава очень любил. Ему казалось, что оно как нельзя лучше описывает то, что человек должен получить от жизни.

А Лизавета жила с чувством, что все самое необходимое

жизнь ей уже дала. Оставалось лишь с наслаждением нырнуть в эту радость и пользоваться.

Далее выяснилось, что считаться частью богемы тоже тяжелый труд. Творческие люди мало того, что были в большинстве своем с капитальным приветом, они еще и жили по совершенно немыслимому графику. К графику Лиза тоже попыталась привыкнуть, равно как и к странным гостям, жутковатым перформансам и бесконечным надрывным беседам об искусстве. А в результате всех усилий оказалось, что проблемы только начинаются.

Однажды Лизавета услышала, что она нарушает представления любимого о прекрасном, ведь Слава был нестандартным и требовал того же от жены. Его жена ни в коем случае не имела права быть банальной, посредственной, как все.

– Ну, Лизок, подумай сама – грудь, ноги, смазливое личико... Таких миллионы! А муза должна быть как удар молнии. Увидел – и бросился к холсту.

Лизавете было страшно осознавать, что таких, как она, миллионы. Но что делать, она не знала. Попытка посоветоваться с подругами потерпела крах. То ли она плохо объяснила, то ли подруги были примитивными и далекими от «высокого». В общем, выхода из тупика пока не было. А Лиза находилась именно в тупике. Она чувствовала, как упирается лбом в холодную стену, вырастающую между ней и ее счастьем.

Лизавета старалась изо всех сил, но все чаще ощущала

собственную беспомощность. Теперь супругу требовалась Даная, а жена тянула примерно на пол-Данаи, а то и на четверть. А где взять все остальное? И если даже взять, то куда это потом деть, если надобность в Данае отпадет?

И вот вчера случилось самое страшное, что только может произойти в семейной жизни.

Лизавета никогда не проверяла телефон мужа, не рылась в карманах, не обнюхивала одежду и не искала следы помады на трусах и рубашках. Да, мужу необходима муза, но это никак не связывалось в ее голове с вероятностью банальной измены. Как можно переспать с крылатым Пегасом? Это же конь, хоть и с крыльями! Так и муза нужна Славочке лишь для творчества. А жена для всего остального, одна и на всю жизнь. Конечно, было бы здорово, если бы она еще и на музу тянула...

Как выяснилось, помимо музыки, Вячеславу не хватало чего-то еще.

Муж отбыл на очередной творческий шабаш, а Лиза полезла в Интернет в поисках оригинальных идей. Она решила сменить имидж. Но не безвозвратно, а с условием: чтобы с одной стороны – потрясти привередливого Вячеслава, а с другой – если что не так, то быстро вернуть все, как было. Или хотя бы переиграть на что-то иное.

Идею с пирсингом она трусливо отмела прямо в салоне,

поскольку колокольчик в пупке Лизавета посчитала слишком скромным, а дырки в языке и бровях – чрезмерными. Желания находились в конфронтации с возможностями. Надо было делать что-нибудь эпатажное, что сразу заметил бы Слава. Но все, что мог заметить супруг, заметил бы и шеф. Подруги правы. Что русскому хорошо, то немцу смерть. Эта общеизвестная поговорка удивительно точно передавала суть сложившейся ситуации. Все, что порадовало бы непризнанного гения русской живописи, будь то бритый череп с татуировкой, губы Дональда Дакка или красные линзы, довело бы до инфаркта их педантичного директора, прибывшего руководить туземцами из самого сердца Баварии. Герр Танненшток вообще относился к подведомственному контингенту с опаской, словно работал не в пятизвездочном отеле, а подрабатывал нянькой в семье каннибалов. Он наверняка до сих пор думал, что по улицам российских городов бродят белые медведи, просто ему повезло ни разу с ними не пересечься.

В общем, только Интернет мог подсказать выход из безвыходного положения.

Но до поиска вариантов тюнинга своей внешности Лизавета так и не добралась. Компьютер она не любила. У них это было взаимно, поэтому агрегат при ее приближении начинал чудить, а сама Лизавета отвечала ему пинками, надеясь, что сотрясение корпуса как-то простимулирует железного болвана. Вот и на сей раз она то ли ткнула не туда, то ли судьба

ополчилась против бедной Бабаевой, но первая появившаяся на экране страница оказалась Славиной анкетой на сайте знакомств. Супруг щедро наляпал там свои фотографии, снабдив их поясняющими надписями. С задумчивым видом у мольберта – «За работой». С голым торсом и штангой – «Хобби». Силуэт на фоне окна, в полный рост у чьего-то внедорожника, в прыжке на фоне морской синевы, задумчивый, смеющийся... Это все именовалось «В поисках музыки».

Если бы Лизавету окатили кипятком, она бы впечатлилась гораздо меньше.

Глава 5

От открывшейся странички веяло ощущением невосполнимой утраты. Наверное, так чувствуют себя вдовы на краю могилы любимого мужа. Необратимость бытия выбила почву из-под ног, и Лиза рухнула бы на пол, если бы не подлокотники удобного кресла. Она даже не могла определить, сколько времени провела, нелепо скособочившись с пустотой в голове и тяжеленным булыжником на сердце.

Внезапно зазвонивший телефон привел ее в чувство. Она не стала брать трубку, а вытерла глаза, оказавшиеся почему-то сухими, хотя Лизе казалось, что она только что рыдала.

Врут, что в подобных ситуациях разбивается сердце. Первым вдребезги разлетается сознание, а способность мыслить рассеивается по полу мельчайшими осколками.

Надо было срочно что-нибудь придумать. Как-то спасти то, что еще подлежало спасению. Но Лизиних моральных сил хватило лишь на то, чтобы сесть прямо и тупо уставиться на экран. Ничего не исчезло. Весь этот кошмар оказался правдой.

Телефон снова начал надрываться. Только теперь звонила трубка, а не домашний. Аппаратик верещал, припадочно колясь о полировку стола и медленно перемещаясь по гладкой поверхности. Сглотнув тугой ком, съехавший в желудок

и придавивший там что-то жизненно важное, отчего стало нестерпимо больно, Лизавета сипло ответила.

– Ой, – абонент замялся и смутно знакомым голосом уточнил: – Лизок, это ты, или у тебя трубку сперли?

– Я, – заторможенно подтвердила Лиза. – А это кто?

– Нормально? – развеселился голос. – Пьешь, что ли?

– Нет, а надо?

– Бабаева, не надо. – Голос затих, после чего вкрадчиво поинтересовался: – Лизка, это точно ты?

– Я.

– А что случилось?

Неожиданно Лиза подумала, что это могла быть какая-нибудь «она» из Интернета. Похотливая девица, решившая прибраться к жадным ручонкам ее Славочку, но прежде желавшая познакомиться с рогатой супругой. Чтобы завести мозг и привести способность соображать в состояние боевой готовности, оказалось достаточно обычной злости. Жалость к себе в подобных случаях неконструктивна. А вот злость – то, что надо.

– Это кто? – рявкнула Лизавета.

– Это я, на трубку глянь, – обидчиво пробормотал голос. – Я у тебя там полжизни определяюсь. Совсем сдурела? Мне твой муж нужен.

– Да? – злобно взвыла Лиза и даже, кажется, лязгнула зубами. – Нужен? Ох ты, какие мы быстрые! Своего заведи!

– Бабаева, тебя не контузило, случаем? У меня есть муж!

Только он рисовать не умеет! А нам в садик стенгазета нужна. Сдохни, а нарисуй! Я хотела твоего супружника одолжить. Пришли бы к нам на чай, мы бы с тобой потрындели, он бы газету намалевал по-быстрому. С меня бутылка.

Лизавета наконец осторожно убрала трубку от уха и взглянула на дисплей. Это была Рита.

– Соловьева, это ты? – агрессивно уточнила Лиза.

– Я! В отпуск тебе надо, Бабаева! Совсем плохая стала, – вздохнула подруга. – Неадекватно реагируешь. Еще покусаешь кого.

– И покусаю, – подтвердила Лизавета. – Запросто.

– Случилось чего?

– Ха! – демонически воскликнула мадам Бабаева и скорбно затихла.

– Это все? Подробности будут?

– Тебе интимные или какие?

Маргарита оторопело поморгала и на всякий случай перепроверила набранный номер.

Номер Лизаветин. Тем удивительнее все происходящее. Сколько Рита себя помнила, Лизка всегда была приветливой, спокойной, даже индифферентной, а тут вдруг такие страсти, вопли и непонятные драматические паузы.

– Лиз, ты нормально можешь объяснить, что случилось? – жалобно попросила Рита.

– Слава собрался мне изменить, – выдавила Лизавета и содрогнулась от отвращения. От фразы веяло пошлостью, ди-

костью и нереальностью.

– Как? – изумилась собеседница и, судя по грохоту, даже что-то уронила от неожиданности. – В каком смысле «собрался»? То есть так и сказал, мол, ща я тебе, Лизка, изменять буду?

– Он завел анкету на сайте знакомств. – Тугой ком снова начал подъезжать к горлу, норовя выплеснуться истерикой.

– И что пишет? – Рита ощутила резкий прилив ненависти к придурковатому Славе, который мало того, что был внешне так себе, так еще и в материальном плане оказался совершенно несостоятелен. Жили они в квартире покойной Лизиной бабушки, ели-пили на Лизины деньги, и даже краски своему гению Лизавета покупала с зарплаты. И вот поди ж ты – такое чучело еще и собиралось изменить!

– Где пишет? – не поняла Лиза.

– Мозг включаем! – рассердилась Маргарита. – В анкете он что пишет? Ну, там, «ищу модель для позирования в голлом виде», «ищу женщину-мечту для совместного проживания в раю на ее территории», «одинокий художник с великим будущим ищет настоящее», «ищу мать моих будущих детей»...

– Нет там ничего такого, – пробормотала Лизавета и затихла. Ей страшно хотелось свалить решение проблемы на подругу. Вот сейчас Марго сядет и придумает, как сделать, чтобы все вернулось и шло по-старому.

– Тук-тук! – раздраженно напомнила о своем присутствии

Рита. – Ты заснула или скончалась от горя? Для того чтобы понять степень опасности, надо понять суть этой опасности. Или у него там так и написано: «хочу изменить жене»?

– Подожди, я посмотрю, что там. – Лизавета долго сопела, дышала и фыркала в трубку, словно лошадь на водопое, пока не выдала в пространство задумчиво и изумленно: – А ничего не написано. Про «ищу» ничего нет. Там написано «вольный художник» и рост – вес – возраст.

– Прямо как на курице в магазине, – усмехнулась Рита, выпадая из общего трагического настроения беседы. – Голень куриная, четыреста пятьдесят граммов, годность – пять суток.

– Тебе очень смешно? – мрачно поинтересовалась Лизавета. – Я рада, что хоть у кого-то хорошее настроение.

– Лиз, у меня плохое настроение, – поспешно заверила ее Маргарита. – Это у меня нервное, от расстройства. С чего ты взяла, что он собирается изменять? Может, он натурщицу ищет. Ты сама говорила, что ему Юдифь нужна.

– Даная, а не Юдифь, стыдно не знать, – проскрипела Лизавета нравоучительным тоном.

– Какая разница...

– Колоссальная!

– Лизка, колоссальная разница – это когда ты в музее экскурсию ведешь! А когда муж на свободу рвется – совершенно фиолетово, к Юдифи он свалит или к Данае!

– Думаешь, все же свалит? – прошептала Лизавета.

– Я вообще ничего такого не думаю. Там ответов много?

– Каких ответов?

– Лизка, мне еще ужин делать и стенгазету рисовать, не трать мое время! Ему там претендентки на его кисти, краски и чахлый организм много писем написали?

– Славик не чахлый!

– Господи! Да с тобой у ангела крылья отвалятся и клыки прорежутся! Это просто невозможно! Бабаева, ты тормоз в кубе! Тетки ему пишут, знакомятся? Сообщения там посмотри! И глянь, пишет ли он!

Лизавета снова ушла в астрал, изредка издавая какие-то вздохи и щелкая по клавиатуре.

– Нет, – наконец произнесла она, вдоволь посопев и повздохав. – Нет ничего.

– Не пользуется спросом твой красавец, – засмеялась Рита и сразу пугливо осеклась, вспомнив, что веселиться в ситуации, близкой к похоронной, неуместно. – Зря боишься. Я тебе больше скажу. Раз он никому не нужен, но смотрит налево, может, и тебе поискать что-нибудь более вменяемое и подходящее для будущей жизни? Зарегистрируйся там же, напиши свои параметры и жди наплыва кавалеров. И будь уверена, что к тебе-то ринутся табуном, поскольку у тебя параметры интереснее и перспективнее.

– Точно! – воскликнула Лизавета. – Ритка, ты гений! Как я сразу не додумалась?

Маргарита потрясенно шлепнулась на стул, едва не про-

летев мимо. Она, разумеется, не ожидала столь быстрой поддержки своей идеи, высказанной скорее в шутку, нежели в качестве серьезного предложения.

Разведенных знакомых у Маргариты было много. Большинство в период расставания с супругом воинственно размахивали флагами и потрясали копьями, планируя незамедлительно возвести на пепелище отгоревшей и потухшей любви новый семейный замок, краше прежнего. Но время показывало, что разрушить и спалить дотла гораздо проще, нежели отгрохать что-то новое. Сил и возможностей хватало не на замки, а на кособокие строеньица, мало пригодные для долгой и счастливой жизни. Но жажда продемонстрировать «бывшему» пусть мнимое, но благополучие, вынуждала барышень мириться с колоссальным неудобством в виде нового, но совершенно неподходящего супруга. Извечный женский страх остаться в девках или с дитем в подоле гнал дамский пол на абордаж и заставлял захватывать не фешенебельные яхты, плававшие в других морях, а утлые, раздолбаные баржи со всякой ерундой.

Если еще учесть Лизветины внутренние дефекты, тщательно подретушированные внешними достоинствами, то становилось совершенно ясно, что мадам Бабаева запросто может прокуковать в одиночестве до самой старости, перебываясь скоротечными знакомствами и кратковременными романчиками. А виновата в этом будет незадачливая советчица, сдуру подтолкнувшая подружку к развалу семьи.

– Лизок, ты того, горячку-то не пори, – напряженно проговорила Рита, лихорадочно соображая, как отговорить подругу от грядущего несчастья.

– Да я все продумала...

– Лиз, когда? Ты же только что в ступоре находилась!

– А вот только что и продумала!

– Ты не умеешь быстро соображать. Не ври! И не выдавай свои фантазии за действительность! Он пока не изменил! И, судя по наплыву претенденток, вряд ли изменит! Не надо с ним разводиться!

– Я и не собираюсь! – крикнула Лизавета. – Как до тебя доходит-то медленно! Его надо просто отвлечь на время и разочаровать в этой идее!

– Чего? – Рита принялась. С кухни тянуло гарью. Похоже, что у нее в очередной раз пожарился суп. Громадными скачками она ринулась к плите, по пути переваривая странные перлы подруги. – Как это – разочаровать?

– Потянуть время, а потом сделать так, чтобы он потерял интерес к знакомствам на стороне и к посторонним женщинам вообще! – радостно пояснила воспрявшая духом Лиза.

– Как ты радикально проблемы решаешь! – Рита с тоской заглянула в кастрюльку. И суп, и кастрюльку можно было хоронить с почестями. Вечно у нее так: заболтается и что-нибудь сожжет. Пора пить таблетки от склероза. Опять вспомнилось, что скоро тридцать лет. А там и старость не за горами. Башка совсем не варит.

– Ты меня слушаешь? – требовательно наседала Лизавета.

– Слушаю, но слабо понимаю. Вернее, не очень представляю мужика, потерявшего интерес к женщинам. Если только евнуха при дворе султана. А тебе он тогда зачем? Для гербария? Или для хозяйства? Насколько я помню, от Славы твоего в хозяйстве пользы как от велосипеда зимой – только место занимает.

– Его должна разочаровать сама идея знакомств по Сети! И ты мне в этом поможешь! Сейчас он чувствует себя охотником, а окажется жертвой. Мы накинем на него лассо и затащим обратно в стойло!

Рита вообразила, как за ней будет гнаться разъяренный Слава, догонит и снимет скальп. Как минимум. Никакого лассо и стойла с покорным Славой в ее мимолетном видении не было.

– Бабаева, давай без меня! По-моему, это очень личное дело, частная жизнь, так сказать. А ты, получается, привлекаешь посторонних.

– Ты нам не посторонняя. Рита, ты нам как родная! – воскликнула Лизавета. – От тебя потребуются самая малость!

Судя по торопливости и напору, малость планировалась величиной с носорога. Рита всегда знала, что чем громче человек орет, тем выше вероятность, что децибелами он пытается заглушить любые возражения и подозрения.

– Ритуля, тебе всего лишь надо будет зарегистрироваться на сайте и познакомиться со Славиком! Поможешь?

– Лизка, ты головой не ударялась? – заботливо поинтересовалась подруга. – Я вроде бы с твоим Славиком уже знакома. Даже у вас на свадьбе свидетелем была. И пили мы вместе неоднократно.

– Зато он тебя голой еще не видел! – выпалила Лиза.

– Это да, – расхохоталась Рита, вспомнив, как вовремя сбежала с бракосочетания, услышав про намечающуюся вечеринку с нудистами. На ее робкие заверения, что она без купальника, Слава легкомысленно отмахнулся, сообщив, что там без купальников будут все.

– Ну вот, – с облегчением выдохнула Лизавета, услышав, как подружка веселится, и затараторила дальше: – Ты выложишь фотографии, мы придумаем тебе какой-нибудь звучный псевдоним, и ты начнешь с ним переписываться. То есть я в это время буду дома, у него на виду, поэтому Слава ничего не заподозрит.

– Стоп! – Рита перестала веселиться. – Я не поняла, что значит «он тебя голой еще не видел»? А что, планируется демонстрация моих прелестей без выходных труселей и прочей атрибутики?

– Нет, если хочешь, можно и в трусах! – торопливо заверила ее Лиза. – Главное, волосами лицо завесить и фотки делать вполоборота и со спины.

– Бабаева! Иди проспись! Твоя борьба за семейное счастье приобрела форму шизофрении и параноидального бреда! Я в этом кошмаре участвовать отказываюсь.

– Ты меня бросаешь? В такой момент? – захныкала Лиза. – Да это же единственный выход.

– Нет. Выход – это когда твой благоверный припрется домой, ткнуть его мордой в компьютер, а потом дать промеж рогов!

– Рога у меня, – шмыгнув, напомнила Лизавета.

– Да нет у тебя пока никаких рогов. И у него нет! А надо, чтобы у него были, а у тебя нет. Хотя бы первое время. Тогда тебе будет не так обидно, когда они наконец проклюнутся! И ты станешь воспринимать его загулы спокойнее.

– Это совет? – холодно уточнила Лиза.

– Да. И заметь – весьма ценный!

– Вот сама им и пользуйся. А я даю тебе время до завтра. Подумать! – отчеканила Лиза и бросила трубку.

Глава 6

Женская раздевалка встретила привычной тишиной и приглушенным светом. В половине седьмого утра основная масса сотрудников бурлила в соседнем помещении. Это был отдел для старейших сотрудников и среднего и мелкого начальства. В ранний час почти все вышеупомянутое начальство спало или только собиралось отбыть к месту службы.

– Лера, у нас проблемы! – с порога крикнула Маргарита и с досадой покосилась на тощую девицу, моментально навострившую торчавшие под жидкими кудряшками уши.

Судя по тому, что слушательница медленно разоблачалась, пристраивая в шкафчик мышинового цвета пиджачок, смена у нее закончилась и она никуда не торопилась. Когда у человека нет личной жизни, он с удовольствием слушает про чужие проблемы. Это аксиома. С появлением личной жизни чужие беды волнуют гораздо меньше, поскольку появляются свои.

У таких остроносеньких, блеклых персон, как правило, в жизни была одна радость: посмотреть сериал с бурными страстями и сложным сюжетом, в котором чудовищным образом переплетались родственные связи, и сунуть нос в чужие дела.

– До кофе твои проблемы подождут? – Горецкая тоже покосилась на девицу и внимательно посмотрела на Риту.

– Проблемы не мои, так что подождут, – честно ответила та.

А что врать-то? Были бы ее проблемы, она бы еще вчера начала трясти Валерию, как грушу, ожидая, что с умной подружки обвалится гора полезных советов. Уж что-что, а давать советы Лера мастерица. С ее богатым опытом грех не поделиться с ближними излишками скептицизма, настоящего на яде мужененавистничества.

В служебном кафе было шумно и весело. Здесь можно было спокойно разговаривать, не опасаясь, что тебя услышат. Рита себя слышала плохо, поэтому они с Лерой сдвинули стулья и орали друг другу прямо в ухо.

– Боюсь, я знаю, о чем речь. – Лера с блаженством отпила горячий кофе и усмехнулась. – Мне вчера звонила рыдающая Бабаева и просила зарегистрироваться на сайте знакомств.

– А ты?

– Что я? Во-первых, я там уже зарегистрирована, – огоршила ее Горецкая. – А во-вторых, Лизетте требуются фото в неглиже.

– Ты зарегистрирована на сайте? – охнула Рита, не понимая, как реагировать на новость.

– А что тебя удивляет? – Лера пожала плечами и насмешливо уставилась на подругу. – Где, ты думаешь, я беру мужиков?

– Я, пардон, об этом вообще не думала, – пробормотала Рита и честно добавила: – Думала, ты ими вообще не интересуешься. То есть в смысле – не пользуешься.

– Пользоваться в этой жизни, девочка моя, надо всем, что подворачивается под руку. Но с пользой для себя, а не хапать все, что плохо лежит. То, что лежит плохо, вероятно, просто выбросили. А ты сдуру подберешь. Так вот я не подбираю, а ищу то, что подходит лично мне. Если мне нужны сапоги, я не несусь в соседний магазин и не покупаю ширпотребовскую дрянь с ближайшей полки. Я хожу, выбираю, думаю, сравниваю. Мужик – тот же сапог. Он должен подходить по размеру, цвету, фасону и вообще радовать глаз.

– Я что-то не улавливаю, к чему так много текста. – Маргарита не могла смириться с мыслью, что ее независимая подруга банально предлагает себя на каком-то убогом сайте, где в то же самое время придурковатый Слава ищет себе то ли музу, то ли новую жену.

– Я просто объясняю тебе, что все не так страшно, как кажется. Ты небось думаешь, что это унижительно для женщины?

– Ничего подобного! – густо покраснела Рита, которая именно так и считала.

– Ты согласна, что женщине мужчина необходим физиологически? Как собаке хвост. Как машине колеса. Как дому дверь. Ну и так далее. А где его взять? Не с улицы же домой тащить! В магазине самцы не продаются. Которые продают-

ся – вот это точно унизительно. А на таких сайтах представлен широчайший выбор моделей. Высокие, низкие, толстые, худые, эрудиты, качки, интеллигенты, деревенские иванушки... То есть я могу выбрать то, чего моя душа требует именно в данный момент. Например, сегодня я интересуюсь брюнетами, а завтра – рыжими. Надо уметь себя радовать. Кстати, Лизкин Слава потому на этот сайт и полез, что пресытился нашей модельной красоткой и захотел кисленького. Или соленького. Главное, что он просто пожелал разнообразия. Славик тоже мечтает дышать полной грудью и брать от жизни все, что она может дать. И что он успеет взять. Короче, его нынешняя позиция несовместима с идеологией семейной жизни. И пытаться его переубедить –дохлый номер. Лизка чего думает? Что его можно единожды отвлечь на одну из нас, а потом он ужаснется результату, бегом вернется в семью и станет жить тихо. Это детский сад. Ты-то понимаешь, что сколько волка ни корми, а он в лес смотрит. Это всех мужиков касается.

– Андрей не такой, – испугалась Рита.

– Конечно, – покладисто закивала Горецкая. – Он – приятное исключение. Или ты пока его не поймала.

– Ты спятила?

– Я вредная и злая. И шибко много знаю, – рассмеялась Лера. – Или завидую, что ты нашла идеального мужика. Сама знаешь, мы, бабы, завистливые – ужась!

– Да ну тебя! Так чего с Лизкой-то делать? – Маргарита

решила не углубляться в обсуждение собственного супруга. Она его, разумеется, ни в чем не подозревала, но опасаться – опасалась. Не без этого. Кто предупрежден – тот вооружен.

– Лизке надо искать другого. В любой паре любит один, другой позволяет себя любить. В их сомнительном тандеме с этим претенциозным попугаем любит Лизавета. А юноша самым возмутительным образом пользуется. Еще и имеет наглость поглядывать налево. Но против природы не попрешь. Ей нужно собрать мозг в пучок и бросать своего художника, от слова «худо». Вот. А потом искать того, кто станет любить ее и носить на руках. Хотя бы какое-то время, пока она молодая и свежая.

– Нет. У них любовь. Ты, Лера, постоянно сбрасываешь это со счетов.

– Ритуля, у Лизетты любовь, а у Славика лишь корыстный интерес. Он, как клещ, сейчас сосет из нее, но в любой момент готов перепрыгнуть на другую жертву. И чем быстрее наша дурища это поймет, тем лучше для нее.

– Твой опыт мешает тебе трезво оценить проблему. У Славы просто временное помешательство. Лерочка, ну придумай, как быть, исходя из того, что Лизавета его не бросит! Давай хотя бы отговорим ее от бредовой затеи с подставой. Я не буду фотографироваться голой! Даже ради нее!

– Я тоже. Просто потому, что это дурь несусветная. Пусть Лизка сама себя фотографирует. И ее благоверный собственную жену ни за что не опознает. Достаточно в фотошопе

наляпать пару татушек и изменить прическу. Уличать его в том, что он втюрился в меня или в тебя, – глупо. А он заявит, что, мол, мы больше соответствуем его идеалу. А вот ткнуть дурака носом в то, что он флиртует с собственной женой и пытается соблазнить ее по Интернету – это шанс продлить их семейную жизнь. Но в любом случае – это всего лишь агония. Я против. Но раз уж Лизавете приспичило, иного варианта я не вижу.

– Да ну, он ее раскусит, – расстроилась Рита. – Тем более Лизка компьютером пользоваться нормально не умеет. Сразу спалится.

– Надо хитрее. Всему-то вас, молодых, учить приходится, – прокряхтела Горецкая голосом дряхлой Бабы-яги. – Фотографии будут Лизкины, а переписываться станешь ты. Со своего компьютера. Зарегистрируешь ее и будешь пудрить мозг художнику. Пока им обоим эта развлекуха не надоест. Скажу больше. Этот хмырь уже через пару писем начнет настаивать на свидании, так что история закончится быстро. Особых усилий с твоей стороны не понадобится.

– Ну, не знаю, – с сомнением протянула Рита. – Какая-то мутная идея.

– Уж какая есть, – отмахнулась Горецкая. – Иначе Лизавета от нас все равно не отстанет.

– Точно.

Лиза плелась по коридору, вздыхая и гримасничая. Судя

по мимике, она вела бурную перепалку с невидимым собеседником. Периодически Бабаева замирала и начинала махать руками. Рита с Лерой молча наблюдали через офисное стекло за приближающейся подругой.

– Клиника, – констатировала Горецкая. – Мало того, что безбожно опаздывает, так еще и не торопится. Иди подтолкни ее в сторону рабочего места, а то она такими зигзагами до обеда будет ползти.

В конце коридора за Лизаветиной спиной показался герр Танненшток. Немец, похожий на кролика из мультика про Винни-Пуха, такой же серьезный и собранный, целеустремленно летел в свой кабинет, создавая на поворотах небольшие воздушные завихрения, от чего скучавшие в кадках цветы тревожно подрагивали. Увидев петляющую по ковровой дорожке сотрудницу, он притормозил и напряжился, словно тигр перед прыжком. Рита в панике начала сигнализировать через стекло Лизавете, в очередной раз застывшей с перекошенным лицом. Сначала она сложила пальцы колечками вокруг глаз и закусила губу. Сей жест был призван изобразить очки любимого шефа и его физиономию. После чего Маргарита энергично пробежалась вдоль стола и зверски оскалилась. По ее версии, это являлось призывом бежать быстрее, а то будет плохо.

Лиза, заметив тревожное мельтешение за стеклом, временно отключилась от своих переживаний и вывалилась в реальность, как парашютист с неисправным парашютом,

сброшенный пинком. Подруга, мотавшаяся за стеклом со странной пантомимой, осталась непонятой. Вернее, понятой превратно.

Лизавета в свете вчерашнего разговора и своих бед истолковала все по-своему:

«Разуй глаза и займись спортом, лучше бегом».

Рита вообще была большой шутницей. Поэтому Лизавета, надеявшаяся на помощь подруги, послушно поддержала представление.

Лиза не любила бег. Ей больше нравился биатлон. Она в два прыжка, изобразив лыжный ход, достигла притулившейся у стены швабры, схватила ее и резко развернулась, имитируя стрельбу.

– Пы-ды-ды-дыщ! – рявкнула она на весь коридор.

Герр Танненшток с визгом метнулся за ближайший фикус и начал истерически подавать сигналы SOS, вопя на своем родном наречии. Он чувствовал, что работа в этой дикой стране закончится покушением.

– Несчастье ходячее! – воскликнула Горецкая, бросившись в коридор на выручку шефу. Лизавете она на бегу угрозила кулаком.

– Ну, ты ваще, – в ужасе выдохнула Маргарита, втаскивая хихикающую Бабаеву в кабинет. – Это ж надо быть такой балдой! Что это было?

– Биатлон! – объяснила Лизавета. – Мне больше нравится биатлон. А ты чего показывала?

– Шефа я показывала. Которого ты из швабры чуть не подстрелила. Хоть бы на часы взглянула. Скоро на работу станешь приходить к концу смены. Тебя опять без премии оставят.

– После такого, боюсь, меня вообще без работы оставят. Если Танненшток не онемееет от ужаса и сможет на меня наядбедничать, – опечалилась Лиза.

– Я сказала, что это была производственная гимнастика, – сообщила вернувшаяся Горецкая и, усмехнувшись, добавила: – Пришлось врать, что у нашей Лизаветы слишком длинные ноги и в кабинете ей негде развернуться.

– Почему врать? – изумилась Лиза. – Они у меня длинные. Разве нет?

– Нога длинная, ум короткий! Новая народная мудрость! – провозгласила Рита и похлопала Лизу по плечу: – Одни проблемы от тебя, Бабаева!

– Что мы решили? – поинтересовалась Лизавета, вспомнив про свою основную беду. – Кого будем спаривать с моим мужем? Вернее, не спаривать, а...

– Нет-нет, Лизок! Очень верное слово ты нашла, – кивнула Горецкая. – У меня художников еще не было. Так что давай, пересплю с твоим супружником по дружбе. По блату, так сказать.

– Не-не-не, – попятилась Лиза, озадаченная подобной перспективой. – Я не это имела в виду!

– Ничего не знаю! – засмеялась Горецкая. – Я уже настро-

илась, морально подготовилась, трусы новые купила! Все. Трусы назад не примут. Поэтому ничего не переигрываем. Мужика обязуюсь потом вернуть.

– Вы издеваетесь? – догадалась Лизавета.

– Нет, мы правда очень на него рассчитываем! – воскликнула Лера. – Вот ведь клуша! Слушай сюда. Фотографии будут твои. Фотошоп я гарантирую. Легкий, без фанатизма. Переписываться станет Ритуля.

– А, тогда ладно, – выдохнула Лиза, перепуганная перспективой сдать мужа в аренду Горещкой. После такого стресса ее устраивало все, что угодно. – Только он же меня узнает.

– Не узнает! Мужики – крайне нечуткие, невнимательные и несентиментальные люди. Это ты думаешь, что он помнит все твои родинки и прыщики...

– Нет у меня прыщей! – обиделась Лизавета.

– Будут! Когда мужика не будет, будут сначала прыщи, а потом сразу морщины и климакс, – припечатала Валерия. – В общем, слушай старших товарищей. Он тебя от меня не отличит. То есть отличит, конечно, но не сразу. В процессе, так сказать!

– Слава меня любит! – чуть не заплакала Лиза.

– Да кто спорит? Не шмыгай тут. Любит – и на здоровье! Кто вам мешает-то? Не хочешь – не надо. Было бы предложено. Можно подумать, нам с Марго этот геморрой нужен!

– Я согласна, согласна! – пугливо закивала Лиза. – Давай-

те фотографироваться!

– Давайте! – всплеснула наманикюренными ручками Горещкая. – Раздевайся! Ща фотографа позову!

– Какого фотографа? – испугалась Лиза. – Я не хочу, чтобы меня посторонние мужики в голом виде наблюдали! Я думала, вы меня сами отщелкаете!

– Значит, то, что тебе предложили раздеться прямо на рабочем месте, тебя, Бабаева, не смущает? Давай! Тут по коридорам еще бродит не добитый тобою Танненшток! Пусть помрет наконец от инфаркта и не мучается!

– А где фотографироваться? – Лизавета решила не обижаться на шутки, поскольку у нее наступило состояние эмоциональной тупости, и было даже не обидно. Просто все, что не относилось к их со Славой беде, не имело существенного значения. Тратить силы на мелочи Лиза не собиралась. Ну и пусть шутят, лишь бы помогли.

– У меня будем фотографироваться, успокойся! – вздохнула Горещкая. – У тебя художник помешает, да и интерьеры он скорее узнает, нежели твои ляжки. У Ритуськи муж может разволноваться. А мужики очень уязвимые, у них хрупкая психика. Перед этой психикой ни в коем случае нельзя Лизкиными ногами махать.

– Я не буду махать, – послушно закивала Лизавета.

– Рисковать нежелательно. Поедем ко мне. У меня кавалеры дрессированные, закаленные и прибегают только по звонку. Устрою себе сегодня выходной. Плюс ко всему у меня

стоит бутылочка настоящего французского вина. Заодно и разопьем ее.

– Я тогда Андрея предупрежу, – обрадовалась Рита.

Не помочь Лизавете – стыдно, а помочь – страшно. Теперь основной груз ответственности можно было перевалить на Горецкую. Если что, она и крайняя. Идея – ее!

Когда подружки с радостным щебетом покидали кабинет, герр Танненшток, попавшийся им навстречу, вспугнутым зайцем метнулся в боковой коридор и спрятался за угол. Отогнув здоровенный лист фикуса и икая, он с опаской посмотрел вслед сумасшедшим аборигенкам. Если бы длинноногая Лиза была немкой, на ней можно было бы даже жениться. Но уроженка дикой России могла лишь испортить генофонд и напугать благообразную немецкую свекровь.

Герру Танненштоку остро захотелось домой. Уже не в первый раз.

Уборщица, округлив глаза, наблюдала за всемогущим директором, тершимся у фикуса и совершавшим странные судорожные телодвижения.

«Малую нужду справляет, паршивец! – сообразила она. – Вот ведь дикая нация! Тьфу ты, пропасть!»

И побежала к приятельницам делиться новостью.

Глава 7

Вино было выпито, пирожные и орешки съедены, а процесс фотографирования так и находился в зачаточной стадии.

– Порнуха какая-то, – неодобрительно трясла фотоаппаратом Валерия, сгоняя Лизавету с кровати. – Что ты на четвереньках ползаешь? Надо грациозно возлежать! Возлежать! А не попу оттопыривать.

– Я не ползаю, – хихикала порядком захмелевшая Бабаева, – я принимаю сблз... солблз... со... бла... знительные позы.

– Твои позы кого угодно отпугнут, – со знанием дела констатировала Рита. – Ты пытаешься охмурить художника, и действовать надо тоньше. С фантазией!

– Не знаю. В прошлый раз безо всякой фантазии было, – горестно оттопырила губу Лизавета и вздохнула, колыхнув грудью.

– Когда «в прошлый раз»? – опешила Горецкая, едва не выронив орудие фотосъемки. – Я смотрю, у нас тут опытная модель! А мы-то и не в курсе!

– Да ну, – махнула рукой Лизавета и, не рассчитав, вслед за взмахом длани сверзлась с кровати со звуком сырой отбивной.

– Почему? – охнула Лера. – Ну-ка, будьте любезны, огла-

сите подробности. А то мы тебя тут числим ромашкой полевой, а ты... того... практически тигровая лилия!

– Девочки, чего вы глупости несете. – Лизвета снова поползла штурмовать ложе. – Я про то, что когда мы еще женихались...

– Заметьте, коллега! – перебила ее Горецкая, пнув ногой кресло, в котором восседала Рита, порядком утомленная затянувшейся фотосессией и французским вином. – Какое дивное слово – «женихались». Вот она, истинная суть этих богемных выскочек. Мужчина небось махал ей шляпой с пером, гарцевал на белом коне, блестел короной и брякал доспехами, а суть всех его красивых жестов свелась к банальному «женихались». Се ля ви.

– Ничего он не брякал, – сообщила Лиза. – Он меня напоил и сам напился. Сказал, что будет рисовать меня голой. Так я до утра ждала, пока он проспится и уже сделает, что собирался.

– Пока нарисует? – уточнила Маргарита.

Лизвета многозначительно постучала пальцем по лбу и усмехнулась:

– Да прям – нарисует! Что я, совсем дура, не понимаю, зачем раздеваюсь? Так и заснула, не дождавшись. А утром он пива выпил, и того. Ну, это...

– Нарисовал, – радостно подсказала Лера.

– Типа того, – согласилась Лиза. – В общем, особой фантазии не проявил.

– А ты прояви, – посоветовала Рита. – Вот он хотел Даная. Давай мы тебя в простыню замотаем и сделаем нечто похожее.

– Мысль! Давайте! – обрадовалась Горецкая и ринулась пеленать хохочущую Лизавету.

Бабаева отбивалась и орала, что так она будет похожа на мумию, а не на искомую музу. Тем более что Даная была даже без простыни. Кроме того, для завершения идеи требовались старуха и ангелочек.

– Я буду старухой, а Марго – ангелочком. Пойдет? – спросила запыхавшаяся Лера.

– Ага. Только вряд ли он захочет знакомиться сразу с тремя, – с сомнением протянула Лизавета. – Кроме того, лицо будет видно. Разматывайте меня. Я придумала. Не станем делать откровенные фотографии.

Через час мучений они наконец получили одну фотографию голой Лизы на фоне окна. Вернее, это был просто силуэт, по аналогии с фото, выложенным Славиком.

И еще одну, где Лиза кокетливо завернулась в занавеску и уткнулась носом в стену, игриво выставив некоторые части тела и чуть не свернув шею в попытке повернуться к камере затылком.

– Ты тут похожа на змею с эмблемы Минздрава, – произнесла Горецкая. – Это же надо так перекрутиться. Зато никакой фотошоп не понадобился.

– Надо было ей для полного сходства еще бокал в руки

дать. Тогда идея была бы завершенной и вполне креативной, – заметила Рита. – Но и так сойдет. И вообще, я уже хочу домой, спать.

– Здравсьте, – заволновалась Лиза. – Сейчас самое главное начнется! Регистрируйся!

– Фу-ты, – Рита без сил упала обратно в кресло. – Мне твой Слава надоел. Я его уже ненавижу. Давай сама. А мне пароль потом сообщишь, и все.

– Нет, – уперлась Лиза. – Надо, чтобы слог был чужой.

– Ага, – сердито проворчала Маргарита. – И буквы незнакомые!

Регистрация шла трудно. Вино, бродившее в крови трех заговорщиц, мешало и выдавало нелепейшие идеи – одна чуднее другой. В результате титанических усилий, под воздействием алкогольных паров на адрес Славика улетело удивительное по своей креативности послание:

В объятых родственной души
Даная ищет утешенья,
Пока горит еще свеча,
Пока летит письмо к тебе.
Трепещет сердце под рукой,
И тело ждет прикосновенья.

Вячеслав в дурном настроении мотался по квартире. Жена отсутствовала неизвестно где, ужин находился в зачаточном состоянии – а именно на стадии мороженого куска мяса

в морозилке. Яркие образы, складывавшиеся в изумительные по своему совершенству мазки, стоило лишь прикрыть глаза, на холсте превращались в какую-то фантазмагорию, смахивавшую на бред шизофреника, тоскующего в застенках дурдома. Славе нынче не творилось. Муза молчала, зато голодный желудок противно подвывал, периодически переходя на пошлое бульканье. Он злобно швырнул кисть и сел к компьютеру.

О чудо! В этот черствый мир примитивных хищниц и бездуховных тел пробился хрустальный луч надежды! Ему написали. Слава с восторгом перечитывал светлые строки и слышал трепетный голос неземной феи, нашедшей его в этом мирском болоте.

В это самое время три феи, выключив компьютер, нестройными пьяными голосами пели последний хит Стаса Михайлова.

– Где ты? Где ты? – надрывалась Горецкая.

– Где ты? Где ты? – вторила ей Рита.

– За закатами рассветы! – речитативом выводила Лизавета, лишенная слуха и голоса.

Проживавшая под Лериной квартирой одинокая пенсионерка неодобрительно качнула головой в железных бигуди и воткнула в уши беруши.

– Кто это придумал? Что это такое? – возмущенно тыкала пальчиком в экран на следующий день Лиза.

Дома она влезть в компьютер не могла, пришлось бежать на работу. Впервые за долгое время Лизавета Бабаева принеслась на работу раньше других и нетерпеливо ерзала в ожидании подруг, поскольку не могла вспомнить пароль от анкеты, придуманный в состоянии подпития. Когда изумленные ее столь ранним прибытием подруги загрузили исковое и открыли отправленное Славику письмо, воцарилась тягостная тишина.

– Я говорю, кто это написал? – бесновалась Лиза.

– Точно не я, – заявила Маргарита. – Я вообще стихи писать не умею.

– А где тут стихи? – округлила глаза Лера. – Тут просто строчки короткие. Но это точно не я!

– И не я! – воскликнула Лизавета. – Тогда кто?

– Мы вчера никого не приглашали? – поинтересовалась Валерия. – Стриптизера какого-нибудь? Или студента-литературоведа?

Лиза с Ритой одновременно с подозрением уставились на подругу.

– А чего вы на меня смотрите? Я просто пытаюсь найти ответ! Я, если хотите знать, после вашего ухода сразу спать легла! А сочиняли мы вместе, я точно помню!

– Славик на подобную ересь не клюнет, – объявила Лиза. – И какая разница, кто сочинил. Главное, что теперь надо все

начинать сначала. И делать другие фотографии. И вообще, в чью башку пришла мысль обозвать меня Данаей? Он же может догадаться! Давайте делать другую анкету!

– Нет, – простонала Маргарита. – Я так сопьюсь!

Едва проснувшись, Вячеслав бросился к компьютеру. Всю ночь ему снилась таинственная незнакомка. Он вел с ней высокоинтеллектуальные беседы и проникновенно смотрел в бездонные глаза. Лицо ее он никак не мог представить. Оно постоянно трансформировалось, меняясь и уплывая в туманную дымку. Да и не имело значения, каким был ее нос, рот или даже брови. Может, бровей и вовсе не было. Некоторым это шло. А отсутствие уха служило признаком гениальности. Неважно. Она – тайна. А что в женщине главное? Тайна. Если бы Славе предъявили предмет его вожделения со всеми допущениями и уступками, на которые он мысленно соглашался в погоне за необычным образом, он бы, вероятно, бросился прочь с тихим воем. Одноухая, безбровая Дульсинья с кривым носом и тонкогубым ртом – что может быть оригинальнее на стадии мечтаний и чудовищнее в реальной жизни?

Но непризнанный гений рассчитывал не меньше чем на прекрасную фею. С крылышками и неземными замашками. Ведь только такая могла почувствовать в нем родственную душу и услышать его зов в бескрайнем хоре виртуальных призывов.

Ночью Славик метался на смятых простынях, периодически пиная спящую глубоким сном Лизавету, и сочинял ответ. Тоже во сне. Утром он чувствовал себя совершенно измочаленным, но одухотворенным. С нервическим блеском в глазах и нетерпеливой дрожью в тонких пальцах Славик завис над клавиатурой.

Удивительно, но все ночные кружева фраз испарились, словно лужа в знойный июльский полдень. В голове маятниковом качалась совершеннейшая пустота, периодически глухим колоколом ударяя то в одно, то в другое ухо.

«Дорогая Даная!» – начал он и с раздражением стер ерунду, напоминавшую письмо товарища Сухова.

Надо бы тоже стихами, чтобы не разочаровать. Но стихи Слава писать не умел. После мучительных попыток связать угловатые слова, неровной кучей наваливавшиеся друг на друга и неуклюже распадающиеся в корявых предложениях, у него родилась неожиданная муть, неадекватная затраченным усилиям:

Я Данаяю обнимаю,
Вожделею и стенаю.

Отправлять столь прямолинейные и неинтеллигентные намеки он не отважился, решив не рисковать в столь непривычном амплуа влюбленного поэта и самовыразиться в картине.

Картина должна стать шедевром. Ожидание чуда, замешенное на экспрессии автора. Его мысли и чувства не могли остаться не понятыми прекрасной Данаей.

Глава 8

– Ёкарный Бабай! – охнула Лизавета на весь офис, едва подруги вернулись с обеда. Разумеется, она сразу залезла на сайт.

– Ответил? – спросила Маргарита. По тону Бабаевой было непонятно, обрадована она или обозлена.

– Бабай – это твой Бабаев? – уточнила Горецкая, жизне-радостно прогарцевав к своему месту. – А почему ёкарный?

– У меня одиннадцать писем, – поведала собравшимся Лиза и нервно хихикнула.

– Я же говорила: такую красоту даже занавеской не скроешь! – засмеялась Лера.

– Не помню, чтобы ты что-то такое говорила, – хмуро процедила Лизавета, щелкая «мышкой». – Мне кажется, с красотой и доступностью мы переборщили. Вон их сколько слетелось.

– Ах ты, горе какое! – отмахнулась Лера. – Мужикам она понравилась. Как теперь жить-то со всем этим?

– Я не знаю, что им отвечать, – насупилась Лиза.

– Отвечать? – поперхнулась Рита и тревожно покосилась на Горецкую, многозначительно подергав бровью. – А зачем им отвечать? Или ты передумала и решила сменить скакуна?

– Лошадей на переправе не меняют, – вкрадчиво напомнила Валерия, сурово погрозив в пространство пальцем.

– Загнанных – меняют, – возразила Рита и сокрушенно добавила: – Лера, нас не слышат, как я погляжу.

– А я, значит, еще ничего! – вдруг радостно воскликнула Лизавета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.